

## MATERIÁLY A DISKUSE

ДАНУШЕ КШИЦОВА

### НОВЫЕ ТОЛСТОВСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

В течение последних двух лет были включены в программу серии *Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik*, издаваемой бамбергским профессором П. Тиргеном в мюнхенском издательстве Отто Сагнера, три тома новых толстовских материалов. Они являются результатом интересного русско–канадско–немецкого сотрудничества. Составитель и редактор первых двух, представляющих собой переписку *Л. Н. Толстого и М. П. Новикова* (т. 28, 1996), *Л. Н. Толстого и Т. М. Бонадарева* (т. 29, 1996) – профессор Оттавского университета А. А. Донсков. Укомплектованием *Новых материалов Л. Н. Толстого и о Толстом. Из архива Н. Н. Гусева* (т. 32, 1997) занимались сотрудницы Института мировой литературы Российской Академии Наук в Москве Л. Д. Громова–Опульская и З. Н. Иванова. Редактором этого тома является также А. А. Донсков. Хотя литература о Толстом необозрима, все ее еще можно пополнять новыми находками. Они будут печататься постепенно параллельно с изданием полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 100 томах, 120 книгах с включением всех имеющихся вариантов. К этому грандиозному заданию уже приступил Институт мировой литературы в Москве.

Переписка Л. Н. Толстого с крестьянским писателем и публицистом М. П. Новиковым интересна не только с литературоведческой, но и с социологической точки зрения. Таков и характер вводной статьи А. А. Донскова *Толстой и Новиков и русское крестьянство*, отмечающая большое внимание, которое уделял Толстой русским крестьянским писателям, в том числе Новикову, и анализирующая взгляды обоих корреспондентов на трудное положение русской деревни на рубеже столетий. Несмотря на полемический тон некоторых писем Толстого, упрекавшего Новикова в том, что его понятие новой веры является в сущности неверием, их

взаимные отношения оставались всегда дружескими, несмотря на долгий период их знакомства – с 1895 г. до самой смерти писателя в 1910 г. Показательно, что именно к Новикову Толстой обратился с просьбой найти для него убежище, когда он в ноябре 1910 г. бежал из дому в страстном порыве достичь „опрощения“. Трезвый ответ Новикова, напоминая Толстому, что в его годы вряд ли можно менять стиль жизни, и наглядно описывающий систему устройства крестьянской хаты, подтверждает тонкое наблюдение Т. Г. Масарика, что Толстой, переодетый в мужицкую рубашку, все-таки остается графом. Ведь чешский социолог происходил из простой среды, которую Толстой, несмотря на внимание, которое уделял ее изучению, фактически знал только опосредствованно.

Переписка Л. Н. Толстого с крестьянским мыслителем Т. М. Бондаревым (1820–1898), автором сочинения *Торжество земледельца или Трудолюбие и Тунеядство*, частично изданного Толстым с его-же предисловием в 1906 г., оказала на писателя огромное влияние. Прочтение рукописи данного произведения, копию которого Толстой получил по своей просьбе из Минусинского музея, стала толчком для того, чтобы писатель сам в 1885 г. завязал с Бондаревым переписку, которая продолжалась в течение тринадцати лет. Именно мысли Бондарева, убежденного, что каждый человек должен добывать хлеб своими руками, привели Толстого к его попыткам пахать и одеваться по-мужицку. Ведь Бондарев выдвигает идею, что „хлебный труд является основным религиозным законом жизни.“<sup>1</sup> Письма Толстого Бондареву интересны не только с семантической, но и с эстетической точки зрения. Они лишний раз доказывают способность великого писателя говорить языком, понятным простому человеку, что и характерно для его работ, посвященных простому народу. Так же ясно он излагает свою веру. Он верит в Бога, но в божественное начало Иисуса он не верит. В письме Т. М. Бондареву от 23 мая 1896 г. он пишет: „Иисус, сын Марии, человек, а не Бог, ... считать его Богом есть великое кощунство, что я и говорю всегда всем попам“.<sup>2</sup> Не менее интересен ответ Толстого на вопрос Бондарева насчет загробной жизни. „О жизни будущей я думаю так, что в нас есть две половины: Божеская и животная. И что если мы в этой жизни признаем собою свою Божескую половину и ею будем жить, то мы с нею и уйдем к Богу, а что если мы будем жить в свое животное и собою считать это животное, то с ним и умрем.“<sup>3</sup> В приложении к данному изданию корреспонденции есть два бондаревских письма Глебу Успенскому с начала 90-х гг. Это логическое завершение истории дружбы Толстого с Бондаревым. Ведь Толстой узнал о существовании Бондарева именно через посредничество Успенского.

В третий том толстовских материалов, изданных П. Тиргеном, вошли наряду с несколькими неопубликованными письмами Толстого разным

1 А. А. Донсков, Л. Н. Толстой и крестьянский мыслитель Т. М. Бондарев. (Вводная статья.) Т. 29, 11.

2 Там же, 100.

3 Там же.

лицам, прежде всего многочисленные воспоминания, сохранившиеся в личном архиве Н. Н. Гусева (1882–1967). Он служил секретарем Л. Н. Толстого в Ясной Поляне в 1907–1909 гг. Суть данных материалов излагает А. А. Донсков во *Вступительном слове на английском языке* с намерением сделать материал более доступным английскому читателю. Личность Николая Николаевича Гусева, ставшего после смерти писателя одним из наиболее тонких знатоков его творчества, характеризуется Л. Громовой–Опульской. О ее личном знакомстве с ученым свидетельствует фотография обоих начала 60-х гг., которая прилагается к материалам из гусевского архива вместе с фотографией Л. Н. Толстого и молодого Гусева. За распространение запрещенных в России книг и за беседы о них с крестьянами Гусев был сначала в 1907 г. на некоторое время арестован а позже, в 1909 г. сослан на два года в отдаленный Чердынский уезд Пермской губернии. Несмотря на все старания Толстого, Гусев был освобожден лишь в 1911 г. В ссылке молодой человек усердно занимался изучением Толстого, что и стало впоследствии главной темой его исследовательского труда. В течение всей жизни он собирал материалы о Толстом, мечтая их издать. Эти планы были осуществлены только спустя тридцать лет после смерти их коллекционера. Они пополняют некоторыми деталями жизнь писателя, его мысли и манеры, а также жизнь его близких. Интересно, напр., воспоминание Н. Л. Аронсона (№ 29) о решительности жены писателя Софьи Андреевны, которая никак не могла понять смысла гонения на евреев. Она была способна помочь знакомой еврейке, очутившейся в безвыходном положении. В момент, когда та не могла найти никакого убежища, Софья Андреевна предоставила будущей акушерке уют в собственном доме. О том, что чувство ревности, столь блестяще описанное Толстым в *Крейцеровой сонате*, не было чуждо самому ее автору, свидетельствует пересказ Е. А. Пушкина со слов Д. А. Дьякова. Последний был якобы свидетелем похожего взрыва ревности Л. Н. Толстого к собственной жене, часто исполнявшей *Крейцерову Сонату* Бетховена вместе с молодым красивым скрипачом Нагорновым, жившим постоянно за границей, но иногда навещавшим Толстых в Ясной Поляне. Подозрение Толстого было, безусловно, неоправданным и писатель сам себя резко осуждал за свой порыв ревности. Конечно все такие материалы нужно воспринимать с осторожностью, потому что память очень часто подводит человека, тем более, если это пересказ со слов третьего лица. Но несмотря на это, материал из архива Гусева представляет собой несомненный интерес.

Тиргеновское издание материалов из области славистики, начатое в 1980 г. публикацией его сравнительного изучения тургеневского *Рудина* с шиллеровским *Философским письмом* (*Turgenevs „Rudin“ und Schillers „Philosophische Briefe“*, В. 1) насчитывает уже 32 тт. Среди изданных книг – интересные монографии, сборники конференций, а также новые, до сих пор не опубликованные материалы из наследия великих писателей.

К таким принадлежат упомянутые три тома. Они могли бы быть импульсом также для чешских исследователей. Как ни странно, но до сих пор мало изучена история перевода творчества Толстого на чешский язык, а также история его восприятия чешской критикой. Приближающийся юбилей великого писателя делает это задание еще более актуальным.